

© С.А. Иникова

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА У ДУХОБОРЦЕВ

Ключевые слова: религиозное учение, секта духоборцев, имянаречение, личное имя, формы имени, динамика, репертуар

В работе рассмотрены социальный, исторический и религиозный аспекты имянаречения и формирования именника в секте духоборцев. Он складывался в русле общерусских тенденций, но имел свои особенности, связанные с вероучением и длительной изоляцией духоборцев от православных русских. Отказавшись от наречения имени священником, духоборцы передали эту функцию повитухе, а вместо церковного календаря стали преимущественно использовать имена предков и родственников. Автор анализирует последствия сложившейся ситуации, такие как сужение репертуара личных имен и их высокую концентрацию. В работе показаны динамика имен на протяжении XIX и XX вв. и структурные особенности духоборческого именника. Также обращено внимание на специфику именных форм, характерную для духоборцев, которая заключается в широком бытовании сокращенных и ласкательных имен, определявшихся возрастом, семейным и социальным положением каждого члена сообщества.

Личное имя человека, как известно, — явление социальное, поскольку его предназначением является фиксация индивидуума в социуме. Наречение имени персонифицирует появившееся на свет существо как человека, члена коллектива, выделяя его из общности и одновременно причисляя к ней, ставя его в ряд с другими членами в рамках семьи, общины, государства. Имя является необходимой составляющей коммуникативного процесса, оно же — неотъемлемая часть образа человека, складывающегося как в глазах окружающих, так и в его собственном представлении о себе.

Кроме того, что имя социально, оно еще исторично, поскольку исторические процессы предопределяют динамику и направление изменений в именном репертуаре, рождая или выдвигая на авансцену одни имена и убирая на задний план или вовсе отправляя в небытие другие. Имена могут передаваться от поколения поколению, вписываясь в генеалогическую историю семей, или следовать моде, с легкостью перечеркивая все семейные традиции. Имя может быть знаком

Светлана Александровна Иникова | <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817> | ovis2@yandex.ru | к. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

религиозной и политической принадлежности его обладателя или свидетельствовать об их отсутствии. Полифункциональность имени, представления о его роли и значении в жизни человека и общности людей, принципы его выбора и наречения — все эти аспекты будут рассмотрены в предлагаемой работе на примере религиозной секты духоборцев.

Духоборческая секта, отвергавшая церковь, священство, таинства, внешнюю культовую практику и ее атрибуты, являлась замкнутой этноконфессиональной и локальной общностью, с начала XIX в. отделенной от своего этноса¹. По своей этнической принадлежности подавляющее большинство духоборцев — русские, хотя среди них были группы малороссов и мордвы. В ее истории можно выделить несколько периодов: XVIII в. — период, когда духоборцы жили среди православного населения; молочноводский период — с начала XIX в. и до 1841–1845 гг., когда собранные на единой территории духоборцы проживали в Таврической губернии около речки Молочные Воды; закавказский период, начавшийся выселением секты в 1841–1845 гг. из Таврии в Закавказье, где они жили до распада Советского Союза, и завершившийся растянувшимся почти на 20 лет массовым переселением духоборцев в Российскую Федерацию. На этом историческом фоне в рамках собственных религиозных представлений складывался и изменялся антропонимикон духоборцев.

Источниковая база

В XIX в. и вплоть до 1930-х годов у духоборцев не было каких-либо регулярных актовых записей новорожденных, и это обстоятельство лишает нас возможности делать годовые срезы в духоборческом именнике через заданные промежутки времени. Мы вынуждены использовать в качестве базы для исследования имена всех духоборцев разных возрастов, зафиксированные в четырех списках и переписях, составлявшихся с интервалом в 20-35 лет.

Массовая перепись духоборцев, имеющаяся в нашем распоряжении, была проведена в 1841–1845 гг. во время их выселения пятью партиями в Закавказье (ГАОО 1, 2, 3, 4, 5). На новом месте жительства раз в десять лет местные чиновники составляли так наз. камеральные описания, или посемейные списки селений. В работе использованы семейные списки, составленные в 1863 г. в Тифлисской губернии (ЦГИА Грузии) и в 1860 г. — в Елизаветпольской губернии (ЦГИА Азербайджана), в которых поименно указаны не только мужчины, но и женщины.

В нашем распоряжении есть списки закавказских духоборцев, в 1899 г. приехавших в Канаду (*Kalmakoff, Lapshinoff* 2001). Среди эмигрантов были выходцы из Тифлисской и Елизаветпольской губерний, а также из Карсской области, куда часть закавказских духоборцев переселилась после того, как этот регион Турции отошел России по результатам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1921–1924 гг. 5 тыс. закавказских духоборцев переселились в Сальский округ Северокавказского края (ныне — Целинский р-н Ростовской обл.) и Мелитопольский округ Украины (ныне Мелитопольский р-н Украины). В 1929 г. были составлены посемейные списки жителей некоторых селений, основанных сектантами (ГМИР 1, 2). Списки сальских и мелитопольских духоборцев за 1929 г. имеют важное преимущество по сравнению с предыдущими переписями, так как в них указаны не только имена, но и отчества женщин. В 1924 г. был составлен, а в 1935 г. проверен посемейный список жителей с. Славянка, расположенного в Кедабекском р-не Азербайджана (ранее — Елизаветпольский уезд) (АКР). В целом все эти источники дают массовый и достоверный материал для проведения исследований за XIX в. и первую треть XX в.

Значительно скуднее источниковая база за вторую половину XX в. Законы о защите персональных данных, принятые в 2006 г. в России (от 27.07.2006 № 152-ФЗ) и в 2012 г. в Грузии, крайне затруднили использование похозяйственных книг

и материалов загосов. В нашем распоряжении имеются сведения о семейном составе духоборцев, проживавших в 1946 г. в с. Хлебодарное и хут. Успение Хлебодарненского сельского совета Целинского р-на Ростовской обл. Похозяйственные книги за 1990–1994 гг. с. Архангельское и пос. Южный Чернского р-на Тульской обл., куда с конца 1989 г. и по 1995 г. переселялись духоборцы Грузии, позволяют проследить тенденции в их именнике в конце XX в. (МАЧР). Все статистические данные, приведенные в статье, получены после обработки вышеуказанных переписей и списков.

Другим не менее важным источником для данной работы стали материалы опросов духоборцев, проводившиеся с 1988 по 2020 г. как в Грузии и Азербайджане, так и на местах их новых поселений в Российской Федерации, а также личные наблюдения автора.

Представления об имени

Сенатор И.В. Лопухин, побывавший у духоборцев в Таврии в 1803 г., отметил особенность их религиозных представлений: “Они полагают, что каждому истинному христианину даются два имени: одно плотское, при плотском рождении от родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицает ему Небесный Отец при духовном его рождении, соответственно его делам. Сие последнее имя никому здесь неизвестно, а познано будет в вечности” (Некоторые черты 1896: 265). В двух духоборческих псалмах упоминается “Животная книга”, куда Господь запишет избранных своих (ЖК 1909: Пс. 241, 267), скорее всего, под теми самыми, никому неведомыми духовными именами. Современные духоборцы ничего об этом уже не знают.

Духовное имя должно было играть важную роль в жизни вечной, но каждый родитель хотел, чтобы и в земной жизни счастье, здоровье, удача не обошли его дитя. Духоборцы, несмотря на религиозные расхождения с православными, сохраняли традиционные русские представления о мистической связи имени и земной судьбы человека.

Счастливым должен был стать ребенок, которому дали имя первого пришедшего в дом человека одного пола с новорожденным: «Коля, когда родился (1964 г. – С.И.), пришел товарищ отца моего. Они вместе работали. А бабушка говорит: “Ну, вот, кто первый зашел, на него и давайте имя”. Значит, он счастливый [будет]», – рассказывала жительница Гореловки (ПМА 1). Первый встречный, первый зашедший в дом в представлении русских – это Божий посланник, приход которого приносит особенную удачу и счастье.

Называя ребенка в честь предка или здравствующего родственника, родители не только отдавали дань уважения и памяти, но и надеялись, что вместе с именем новорожденному перейдут какие-то качества, присущие его носителю: “Я своего старшего сына назвала в честь маминого дяди Прямурукова Андрея. Он был певчий и такой умный, деловой мужчина. Он мне нравился. Он был отличный плотник, каменщик и хороший человек” (ПМА 7: Т.С.Ч.); “Жору назвала в честь дедушки Егора. Это бабушка в честь дедушки назвала. Он джюже хороший был” (ПМА 7: Л.В.А.).

Представление о том, что с именем, данным в честь кого-то, новонареченному могли передаваться черты характера и способности предшествующего владельца имени, не означало, что с именем может быть передана и сама судьба, поскольку, как считали духоборцы, у каждого она своя. Однако у людей все же присутствовал мистический страх передачи через имя несчастной доли. По этой причине в одной семье новорожденного ребенка не называли в честь ранее умершего, опасаясь повторения его судьбы.

При всем преклонении перед религиозными лидерами секты – “святыми и праведными родителями”, каждого из которых духоборцы считали носителем Святого Духа и воплощением Сына Божьего, они не стремились называть своих детей в их честь. Изучив именник, мы не обнаружили какую-либо зависимость его

репертуара от имен вождей, стоявших в тот или иной период во главе секты, хотя случаи наречения в честь руководителя секты бывали.

Жительнице Гореловки, назвавшей новорожденного Петькой, потому что он родился на поминки “родимого Петюшки” (Петра Ларионовича Калмыкова), пришлось переименовать его в Андриюшку. Ребенок плакал день и ночь, пока семья не получила с фронта письмо от отца мальчика с просьбой назвать сына “на него” — Андреем (ПМА 6: П.Ф.Б.). Прабабушка другого новорожденного, появившегося на свет на следующий день после поминок Васюшки Калмыкова (Василий Ларионович Калмыков — сын руководителя секты) и праздника Михаила Архангела (21 ноября н.ст.), празднуемого в соседнем с. Ефремовка, предлагала назвать правнука “Мишкой или Васькой”. Бабушка ребенка категорически выступила против “Васьки”: “Святой день! Бог знает, какая ему счастья будет. Сначала рождается не человек, сначала рождается судьба человека” (ПМА 7: П.В.Г.). Православные, как известно, тоже не называли девочек Мариями в честь Богородицы, а мальчиков Иисусами — в честь Иисуса Христа.

Нарекая имя, родители и повитуха могли ошибиться и дать не то, которое подходило бы новорожденному. Ошибка быстро давала о себе знать детскими криками и постоянными болезнями и даже могла привести к смерти ребенка. Единственный выход виделся в смене имени — *перезывании*. Благодаря отсутствию крестильного обряда практика перезывания получила у духовборцев очень широкое распространение.

Как и у православных русских, в секте был распространен обычай символической “продажи” болезненного ребенка постороннему человеку, чаще женщине, у которой дети не болели и не умирали. У духовборцев при этом малышу, как правило, давали другое имя, обычно имя “покупателя” или кого-нибудь из членов его семьи. “Продажа” ребенка в другую семью и причисление к ней с помощью имени одного из ее членов символизировали его новое рождение и должны были положить конец болезням и несчастьям.

Жительница с. Славянка вспоминала, что у ее тети дети рождались и вскоре умирали, пока она не “продала” младенца “женщине, у которой дети жили, не умирали. И имя они дали другое, обед приготовили, как вроде он родился. Его звали Толик, а назвали Михаил. Эта женщина — его другая мать. Они звали ее в гости, дарили ей. И она ему костюмы покупала” (ПМА 4: А.Н.А.). Другая жительница Славянки, появившаяся на свет в 1948 г., сильно болела, и ее “продали” двоюродной тетке: “Она купила меня и назвала на себя. Ну, ее звали Нюра, но тогда говорили Оня, а меня назвали Нюся. Шести месяцев, уже было шесть месяцев, а уже метрика была” (ПМА 4: Г.Т.С.).

Несмотря на то что в советское время духовборцев заставляли регистрировать детей и выдавали метрики, эта практика перезывания продолжалась вплоть до 1960-х годов. В одной семье в 1930-е годы “дочь Настютка умерла, а сын Костюшка родился”. Родители записали мальчика в домовую книгу, а свидетельство о рождении осталось от умершей девочки. Мальчика не стали регистрировать. Все это выяснилось, когда Костюшка принес на призывной пункт метрики Настютки (ПМА 2: П.Ф.Б.).

Можно было бы принять эту историю за анекдот, но в Гореловке живет мужчина, которого люди его возраста до сих пор называют Мишкой-Андриюшкой. Его называли Михаилом и зарегистрировали под этим именем, но он так сильно плакал, что повитуха посоветовала родителям: “Давай на отца назовем”. Они так и поступили, дали ему имя Андрей. Все в селе называли его Андриюшкой, однако в армию Андриюша пошел под официальным именем Михаил. Когда он вернулся, то захотел остаться Михаилом, и родные *сделали обед*. “[— А зачем обед делали?] — Ну, как?! Надо же поставить на имя. [— Как новое рождение?] — Да, да” (ПМА 8). Совершенно очевидно, что новое имя символизировало получение новой судьбы.

Принципы и особенности имянаречения

Роль повитухи в имянаречении. Численный рост духовборческой секты на протяжении XVIII в. в основном шел за счет перехода в духовборчество православных. И даже если родители уже состояли в секте, они были вынуждены крестить детей, чтобы не навлечь на себя подозрения в вероотступничестве и гнев священников. В таких условиях редкие семьи находили способы обойти установленный порядок и не крестить детей. К моменту переселения в Таврическую губернию практически все духовборцы были крещеными в православных церквях и получили христианские имена, которые не вызывали у них ни тогда, ни после какого-либо неприятия, поскольку они считали себя христианами.

В Таврической губернии духовборцы жили по своим неписаным законам и под управлением своих руководителей. Священники не вторгались в их жизнь, и наречение имени должно было стать личным делом родителей. В духовборческом вопросе-ответном псалме появился вопрос: “Кто у вас младенцам звание даст?”, на который следовал ответ: “Кто на руки принимает, тот звание дает” (ЖК 1909: Пс. 2. В. 83), а поскольку роды принимали бабушки-повитухи или, как говорят духовборцы, *повивухи*, то, видимо, они и должны были давать имена.

Как известно, у православных повитуха могла сама трижды погрузить нежизнеспособного новорожденного в воду со словами “Во имя Отца и Сына и Святого Духа” и дать ему имя (обычно имя его отца или матери), и в случае смерти такого младенца погребали как крещеного и поминали по имени, т.е. в критической ситуации часть функций священника передавалась повитухе. Если новорожденный выживал, священник только довершал обряд. У духовборцев при отсутствии священников и таинства крещения функция сакрального произнесения имени новорожденного и тем самым его приобщения к сообществу была делегирована бабушке-повитухе. Купая младенца сразу после родов, она читала псалмы и “молитвы” (заговоры) и первый раз называла его по имени. Именно поэтому духовборцы давали имя сразу же после рождения, а не на второй или третий день.

Хотя имя выбирали родители, очевидно, что в XIX и даже в первой половине XX в. одобрение его повитухой имело значение, и она могла предлагать свой вариант. В пользу этого предположения свидетельствует до сих пор сохранившееся у пожилых женщин представление о праве повитухи давать ребенку имя. Наша собеседница родом из Богдановки рассказывала, что у ее матери случились стремительные роды, и произошли они во дворе, а не в доме. Вышедшая во двор бабушка Маша увидела, подхватила ребенка, завернула новорожденную в *занавеску* (передник) и назвала в честь своей матери Анной, причем рассказчица сочла это само собой разумеющимся: “Раз приняла, то и назвала” (ПМА 9: А.В.М.).

В Ново-Спасском (Азербайджан) в 1950-е годы *бабчила* женщина по имени Ганя (Агафья). Рожденную в 1952 г. девочку в честь нее назвали Галей². А потом у той же женщины Ганя принимала мальчика, которого назвали “на имя” Ганиного мужа – Николаем (ПМА 5). В Гореловке от разных женщин довелось услышать рассказы о повитухе Луше Губановой, которая *бабчила* еще в начале 1960-х годов. Если на ее вопрос: “Ну, что ж, как же будете называть?” родители не давали твердого ответа, то она, “если у кого находилась на приеме, называла на Мишу – на сына или же на Васю. У нее Вася и Миша. Она своих детей любила больше всего на свете, ну, как и любая мать. А девочек или же Нюрой называла (Нюрой звали дочь повитухи. – С.И.), или Лушей. Она сама Луша. И вот сестру мою на нее называли – Люся (в документах Лукерья, 1960 г.р. – С.И.), но родители могли и другое имя дать” (ПМА 1). Хотя такие случаи вмешательства повитухи в выбор имени в обозримом прошлом не были совсем уж редкими, все-таки не они формировали именник духовборцев.

Назвать “на праздник”. При выборе имени духовборцы не пользовались святцами, хотя в начале XX в. и до 1990-х годов в Гореловке, например, в одной семье

хранился старинный церковный календарь, который передавался по наследству. О его существовании знал узкий круг родственников и друзей, и кто-то из них, конечно, мог в него заглядывать, выбирая имя для ребенка. На вопрос о святцах, обращенный к духоборцам села, обычно следовал ответ: “По святцам не давали, а по желанию” (ПМА 3: М.И.К.), а большинство вообще не знали и не слышали о церковных календарях.

Духоборцы в соответствии со своим религиозным учением отвергали культ признанных в православии святых. Они полагали, что эти люди своей праведной жизнью угодили Богу и можно подражать им, но бесполезно призывать их на помощь, поклоняться и воздавать почести. Поэтому называть детей в честь святых и при этом рассчитывать на их небесное покровительство было не в традиции духоборцев.

Тем не менее у них сложился круг календарных дат, заимствованных когда-то из церковного календаря, но традиционно в представлении русских крестьян связанных с погодными и хозяйственными приметами (Алексей Теплый, Егорий, Петров день, Ильин день, Кузьма-Демьян), и дат праздников, которые были у каждого селения (Гореловка праздновала Фрола, Троицкое – Миколу, Ефремовка – Михайлов день и т.д.). Праздники эти, посвященные святым, духоборцы принесли на Молочные Воды, а затем в Закавказье из православных селений – мест своего выхода. И если рождение ребенка было близко к такой дате, то ему могли дать имя этого святого: “Близко если какой праздник, например, Михайлов день или Фрол, или Микола, то давали имя” (ПМА 3: Н.С.З.). Ребенка, рожденного в марте, духоборка из Гореловки назвала Алексеем, поскольку знала, что в этом месяце – Алексей Теплый, и по погоде в его день определяют, какой будет весна. Несколько пожилых духоборок в разговоре сформулировали этот принцип именаречения как “назвать на праздник”. От православной церковной традиции в таком случае оставалась только внешняя форма. Возникает закономерный вопрос: откуда духоборцы черпали имена для новорожденных и как формировался основной репертуар их именника.

Наречение имен “на бабушку”, “на дедушку”. Духоборцы, отделившись от православных, получили возможность называть детей, как им нравится, однако на деле они использовали имена из сложившегося в рамках семьи именника. До сих пор у них бытуют выражения “назвали на дедушку”, “назвали на бабушку” или “на тетю”, “на дядю” и т.д. В списках духоборцев–переселенцев в Закавказье за 1841–1845 гг. 4% всех зафиксированных в них духоборцев получили при рождении имя своего отца, а 3,5% – имя деда по отцу, в сумме это 7,5%. Проследить повторяемость имен возможно только по мужской линии, однако нет сомнения, что младенцев также называли в честь дедов по материнской линии.

Материалы переписей показывают быстрый рост одноименности отцов и сыновей во второй половине XIX в. и особенно в первой трети XX в. Из всех включенных в семейный список Славянки в 1924–1935 гг. 19,5% духоборцев мужского пола были названы по отцу, причем подавляющее большинство одноименных с отцами сыновей родились после 1900 г. У духоборцев, переселившихся в Сальский округ Северо-Кавказского края (ныне – Целинский р-н Ростовской обл.) и Мелитопольский округ Украины, по отцу в 1929 г. были названы 13,5% духоборцев мужского пола. Возможно, меньший процент по сравнению со Славянкой обусловлен тем, что на новых местах в их именнике начали появляться новые имена.

В списках сальских и мелитопольских духоборцев везде указаны имена и отчества женщин, и это дает возможность определить, насколько часто в этот период мальчиков называли в честь дедов не только со стороны отца, но и со стороны матери³. По деду со стороны отца названы 11,3% духоборцев мужского пола, по деду со стороны матери – почти 10%, т.е. разница невелика. Этот факт можно расценить как проявление уважения к роду-племени по женской линии. Невозможно подсчитать процент имен, унаследованных детьми от прадедушек, но опросы показывают, что он тоже был высоким, может быть, немногим меньше, чем названных “на дедушку”.

К концу 1920-х годов приблизительно 40% жителей духоворческих селений мужского пола в Северо-Кавказском округе России и Мелитопольском округе Украины и около 45% духоворцев Закавказья носили имена своих ближайших предков.

Девочкам в XIX в. значительно реже давали имена матерей, чем мальчикам – имена отцов. Позже, уже в 1929 г., в Сальском и Мелитопольском округах всего 5,6% духоворок носили имена матерей. Судя по опросам современных духоворцев, девочек чаще называли “на бабушку” и даже “на прабабушку” с обеих сторон, но подтвердить это статистическими данными не представляется возможным⁴.

В середине и второй половине XX в. молодые родители, хотя и реже, чем это было раньше, давали детям имена бабушек и дедушек, прадедов и других родственников в знак уважения к ним. На вопрос, в честь кого нашу собеседницу назвали Татьяной, духоворка из с. Калинино ответила, что так звали тетю ее отца, и продолжила: “У нас старшая Анята была, но она умерла в детстве. Следующую назвали Феня – на бабушку по матери. Брат Федор назван на деда Федора. Потом Полина – ни на кого не называли. Еще брат Михаил, – у отца был сводный брат Михаил, в честь него” (ПМА 6: Т.И.С.).

Бабушки и дедушки очень гордились, если внукам давали их имена, а иногда, пользуясь своим положением в семье, сами называли “на себя” или навязывали родителям нравившиеся им имена. Духоворка из Дманиси вспоминала:

Я хотела назвать Наташей, а свекровь говорит: “Не-е, Наташка у нас собачка была. Лизой назовем”. Я сказала: “Нет! Бедная Лиза мне не нужна!” Из школы знала⁵. Я родила, а рано утром мама прибежала, и на маму назвали Анечкой. Я не хотела это имя, а это зять теще преподнес подарок. Мене не спросили. Я – мать, могу сама [назвать], но не могла обидеть свою мать. И как теперь? Она прибежала со слезами, меня целует, она такая радостная, со слезами, первая внучка, а я вдруг скажу: “Я не хочу Аня” (ПМА 9: Т.М.С.).

Практика наречения по отцу и прочим родственникам в советское время стала сокращаться по мере увеличения и углубления контактов с русским населением России в связи с процессом аккультурации, появлением среди духоворцев уже в 1960-е годы моды на новые имена. И тем не менее эта традиция все же сохранялась, и к началу 1990-х годов 7% мужчин – переселенцев в Чернский район Тульской области носили имена своих отцов.

Наречение имени “на отца”, “деда”, “прадеда” и т.д. способствовало тому, что в семьях на протяжении нескольких поколений обращались одни и те же имена. Эта традиция создавала невидимую, но очень ощутимую духовную вертикаль, связующую поколения каждой семьи, знавших своих предков, передававших своим детям и внукам, нареченным их именами, семейные предания. И даже если не все предки обладали хорошими характерами, были непьющими хозяевами, наконец, просто добрыми людьми, члены семьи старались акцентировать внимание на их достоинствах. Благодаря такой поколенной передаче имен и сопутствующей позитивной информации в духоворческой среде формировалась высокая оценка предков и гордость за принадлежность к сообществу.

Семейная память, запечатленная в именах, становилась частью коллективной памяти. Но у этой традиции были и отрицательные последствия: сокращение репертуара имен, концентрация имен и рост одноименности – все это сильно обедняло и унифицировало именной.

Динамика и структура именника

Специалисты называют разное количество имен в церковном календаре: 900 мужских и 250 женских или 872 мужских и 229 женских имен (Суперанская 2009: 25;

Щетинин 1978: 191). Естественно, не все они использовались в равной степени: часть уже вышла из моды, часть относилась к затухающим и редким, и в каждый период истории выделялись широко используемые ходовые имена и существовала группа особенно популярных.

Именник, составленный нами на основе списков 1841–1845 гг., включает 137 мужских имен на 2403 духоборца, но из этих имен 76 имели всего лишь одного-трех носителей, т.е. были редкими, причем носитель или носители редкого имени могли проживать только в одном из селений. Большинство обладателей этих имен родились еще в XVIII в. и, совершенно очевидно, получили их от священников. Через 20 лет в переписях 1860–1863 гг. уже не обнаружено 36 редких имен, и духоборческий именовослов состоял из 101 мужского личного имени на 3073 человека.

За период с 1860–1863 гг. и до 1899 г. из антропонимикона исчезли еще 43 имени. Вместе с тем появилось несколько новых, которых не было в 1860–1863 гг. В списке духоборцев, приехавших в Канаду в 1899 г., насчитывается 60 имен на 1963 мужчины. Некоторые имена (Андрей, Аркадий, Моисей, Потап, Тарас, Тихон и др.) на протяжении XIX – начала XX в. исчезали и вновь появлялись через одно-два поколения как воспоминание о прадедушках, а несколько из них (Аркадий, Тихон) дожили до 1950–1960-х годов.

Очевидно, процесс затухания исчезнувших у духоборцев в XIX в. имен начался еще в XVIII в. и шел в русле общего процесса смены имен, который был характерен для православного именника. В пользу этого свидетельствует сопоставление наших данных и данных В.В. Тарсукова. Пользуясь ревизскими сказками 1834 г., он проанализировал имена православного купечества г. Самары, более половины которого были выходцами из крестьянского сословия. Тарсуков выделил группы имен, упомянутых один-три раза (75 имен), т.е. на тот момент это были имена, близкие к выходу из употребления (*Тарсуков* 1970: 302). Из них 32 имени совпадают с теми, которые постепенно исчезали из именника духоборцев с 1841 по 1899 г. В конце XIX в. мы наблюдаем завершение процесса, начавшегося еще во время проживания духоборцев среди православных, причем устаревшие имена выходили из употребления, несмотря на нарастающую тенденцию наречения младенцев “на отца”, “на деда” и т.д.

Это может показаться странным, но родители, опасаясь насмешек над ребенком, старались не давать ему совсем редкое имя, которого в их селе ни у кого больше не было, пусть даже его обладателем был их дед или прадед. Уже в 1950-е годы, как рассказывала жительница Гореловки, у ее родителей родилась двойня, и одного мальчика назвали “на дедушку” Аркадием, а второму решили дать имя второго дедушки – Моисей. Нашей собеседнице – тогда девочке – имя показалось некрасивым, смешным, потому что так уже никого не называли. Она тут же придумала дразнилку “Моисей, гони гусей” и стала, смеясь, без конца повторять ее. Родители задумались и решили: “Может, уж Мишкой. Нехай, чо ж...” (ПМА 1). Эту черту крестьянского менталитета – не выделяться именем – отметил известный исследователь в области антропонимии В.А. Никонов (*Никонов* 1974: 48). Заметим, что сужение духоборческого именника неизбежно вело к именовому единообразию в секте, а духоборцы всегда и во всем стремились к унификации. Возможно, это стремление поддерживало и усиливало их нежелание выделяться на общем фоне.

Что касается женских имен, то именник 1841–1845 гг. включал всего 44 имени на 2916 женщин, т.е. женских имен было в три раза меньше, чем мужских. Такое неравенство в их соотношении было характерно и для православных, поскольку изначально святых, мучениц и блаженных женского пола в святцах было намного меньше, чем мужского. Потеря женских имен в течение века мала по сравнению с мужскими именами. В закавказский период, согласно переписи 1860–1863 гг., на 3168 духоборок приходилось 43 имени. В списке 1899 г. 2162 женщины носили

38 имен. Безусловно, какие-то имена, исчезнувшие из списков и переписей, могли в единичных случаях сохраниться у духоворцев, оставшихся на прежних местах жительства в Закавказье после нескольких массовых выездов части их единоверцев, но в целом это не меняет общей картины.

К концу XIX в., т.е. почти за 60 лет, мужской именник сократился на 56%, а женский – на 14%, причем ни тот, ни другой практически не пополнялись новыми именами. К началу 1930-х годов наиболее устаревшие и ставшие редкими имена в основном уже вышли из обихода, и потеря не была такой значительной, как прежде. В списках духоворцев за эти годы отсутствуют 14 мужских имен (по сравнению со списком 1899 г.). Всего же в 1920-е годы зафиксировано 57 имен на 1521 мужчину; в женском именованье – 39 имен на 1620 женщин.

Мы выделили часто употребляемые имена⁶ и попытались определить структурную основу именников.

Мужские имена

Годы	Число носителей	Число часто употребляемых имен	Процент обслуживаемого ими населения
1841–1845	2403	27	84
1860–1863	3075	19	87,5
1899	1963	12	83
1924–1935	1521	11	83,5

Во всех четырех списках среди часто употребляемых всегда присутствовали десять имен: Алексей, Андрей, Василий, Григорий, Иван, Михаил, Николай, Петр, Семен, Федор. Среднеупотребимых и редких имен, стабильно присутствовавших во всех списках, было 36. Эти 46 имен можно назвать основой мужского духоворческого именника в изучаемый почти столетний период.

Женские имена

Годы	Число носителей	Число часто употребляемых имен	Процент обслуживаемого населения
1841–1845	2916	11	73,6
1860–1863	3168	12	81,4
1899	2160	9	76,4
1924–1935	1620	11	80

Во всех списках часто употребляемыми были восемь женских имен: Авдотья, Агафья, Анастасия, Анна, Мария, Пелагея, Татьяна, Федосья. И еще 25 имен – среднеупотребимых и редких – прошли по всем спискам. Эти 33 имени – основа женского именника.

Несмотря на разное количество носителей, указанное в таблицах, процент обслуживавших их часто употребляемых имен у духоворцев был стабильно очень высоким. Особенно велика была нагрузка на пять самых популярных имен.

В 1841–1845 гг. они охватывали 43% мужчин и 50,8% женщин, в 1860–1863 гг. – соответственно 51,5 и 56,8%, в 1899 г. – 56 и 57,8%. И только в 1924–1935 гг. наблюдается очень незначительное снижение этих показателей: 55,8% мужчин и 55,7% женщин. Располагались эти имена следующим образом:

Мужские имена

1841–1845 гг.	1860–1893 гг.	1899 г.	1924–1935 гг.
Иван	Иван	Иван	Василий
Василий	Василий	Василий	Иван
Федор	Николай	Петр	Николай
Николай	Федор	Николай	Петр
Алексей	Алексей	Алексей	Алексей
43%	51,5%	56,8%	55,8%

Женские имена

1841–1845 гг.	1860–1893 гг.	1899 г.	1924–1935 гг.
Анна	Мария	Мария	Мария
Мария	Анна	Анна	Анна
Авдотья (Евдокия)	Анастасия	Анастасия	Пелагея
Анастасия	Авдотья (Евдокия)	Пелагея	Анастасия
Пелагея	Пелагея	Авдотья	Авдотья (Евдокия)
50,8%	56,8%	57,8%	55,7%

И если в первой пятерке у мужчин в 1899 г. и 1924–1935 гг. произошли минимальные изменения (вместо имени Федор появилось имя Петр), то у женщин репертуар имен в первой пятерке вообще не изменился. На протяжении почти века женские имена, следуя моде, только менялись местами. Таблицы демонстрируют удивительную стабильность популярности и очень высокую степень концентрации этих имен. Причем по числу носителей первые два самых популярных мужских имени (у женских этого не наблюдалось) во все периоды шли со значительным отрывом от последующих трех.

Стабильными были и вторые пятерки мужских и женских имен. В списках 1841–1845 и 1860–1863 гг. во вторую пятерку мужского именослова входили имена Михаил, Петр, Григорий, Семен, Степан, женского – Прасковья, Марфа, Аксинья, Федосья, Татьяна. В списках 1899 г. и 1924–1935 гг. имя Петр перешло в первую пятерку, а Федор – во вторую, но продолжали стабильно присутствовать Михаил, Григорий, Федор, Семен, пятым вместо Степана становились то Кузьма, то Савелий. Во второй пятерке женских имен в списках 1899 г. и 1924–1935 гг. стабильно присутствовали Агафья, Татьяна и Федосья, а Маланья и Прасковью, занимавших третье и четвертое места во второй пятерке, в 1899 г. и 1924–1935 гг. сменили Мавра и Лукерья.

Духоборцы, являясь замкнутой конфессиональной общностью, отличались большим консерватизмом в вопросах, связанных с религией и идеологией, и не пользовались церковными календарями. Кроме того, они не были включены в общерусское культурное пространство в силу своей изоляции. В результате этого им попросту неоткуда было черпать новые имена, что и вело к очень высокой одноименности и концентрации наиболее ходовых имен.

Известные исследователи-антропонимисты обратили внимание на предельное сокращение русского именника и высокую степень концентрации имен в 1950–1960-е годы (Щетинин 1968: 48; Никонов 1970: 43, 1974: 49; Суперанская 2009: 17, 32). Суперанская объясняла это явление отходом населения от церкви и отказом от крещения, отсутствием церковных календарей и иных пособий по именам. Духоборцы, как видно из приведенных выше данных, столкнулись с этой же проблемой, но только на столетие раньше.

Малое количество ходовых имен приводило к тому, что в больших неразделенных семьях в первой половине XIX в. было по два-три члена с одинаковыми именами. В семье Черненко (31 человек) из с. Богдановка в 1841 г. были два Василия, два Ивана, два Николая, три Анны, четыре Марьи и две Ульяны. В другой семье – Чевильдеевых (30 человек) из Ефремовки в 1841 г. было: три Ивана, два Петра; две Настасьи, четыре Федосьи, три Марии, две Анны (ГАОО 1: 129 об–130; 141 об–142). Вскоре по прибытии в Закавказье духоборческие семьи начали разделяться, и три-четыре одинаковых имени в семье стали редкостью, хотя два одинаковых оставались обычным явлением.

Исследователи отмечали одноименность в православных семьях, особенно в XVII – XVIII вв. (Никонов 1974: 13; Бакланова 1970: 310–311). К сожалению, никто не изучал вопрос, каким образом одноименность в православных семьях сосуществовала с наречением имени священником по святым и не связана ли она с тем, что в святцах много памятных дат разных святых, но с одинаковыми именами: например, там около 40 Василиев, более 150 Иванов и т.д. Природа одноименности у духоборцев и православных могла быть совершенно разного происхождения.

Проследить динамику личных имен у закавказских духоборцев в послевоенные годы крайне сложно в связи вышеупомянутым законом о персональных данных. Мы можем говорить о процессах на основе личных наблюдений и похозяйственных книг с. Архангельское и пос. Южный Чернского р-на Тульской обл., куда в начале 1990-х годов переселились закавказские духоборцы, главным образом жители с. Гореловка. В этих книгах за 1990–1994 гг. зафиксированы 237 мужчин, носивших 33 имени, и 221 женщина, которые имели 42 имени. Рост числа женских имен – это общая для всех русских тенденция, которая не обошла и духоборцев, причем среди них было много единичных имен: иметь редкое имя стало модно. В именной за эти годы также оставались имена, которые всегда отличались высокой стабильностью. Их носили деды и бабушки, родители и дети, несмотря на все крутые повороты XX в.: Алексей, Андрей, Василий, Владимир, Иван, Михаил, Николай, Петр у мужчин; Анастасия, Анна, Екатерина, Елена, Мария, Татьяна у женщин. Переселенцы в подавляющем большинстве были людьми 1960–1980-х годов и даже 1990-х годов рождения. Некоторые затухающие имена (Домна, Евдокия, Лукерья, Прасковья, Ульяна) принадлежали женщинам старшего возраста, переселившимся вместе с семьями взрослых детей. Они исчезли в начале 2000-х годов вместе с уходом из жизни их обладательниц. Однако, как показывают похозяйственные книги Архангельского и Южного, среди приехавших из Закавказья духоборок, рожденных в 1950–1960-е, были и еще молодые тогда обладательницы устаревших имен: Авдотья 1955 г.р., три Лукерьи 1960 и 1966 г.р., Агафья 1968 г.р.

45% мужского именника за 1990–1994 гг. – стабильно часто употребляемые имена, которые были в списках XIX в. и в 1920-е годы. В женском именослове они составляют почти 55% имен. Мужской и женский именники обновились новыми именами на 55 и 45% соответственно.

Новые имена

С 1841–1845 гг. и почти до конца века у закавказских духоборцев не появлялись новые имена. Как выше говорилось, у изолированной, закрытой для внешних влияний религиозной общности не было ни ресурсов для пополнения именника, ни желания это делать. В конце 1880-х годов правительство ввело в Закавказье воинскую повинность, и после раскола секты и бурных событий 1890-х годов, выезда в Канаду духоборцев, отказавшихся брать в руки оружие, оставшиеся на прежних местах стали наравне с остальными подданными Российской империи служить в армии и на флоте и, естественно, контактировать с русскими православными. Кроме того, в 1902 г. в Гореловке была открыта школа, и стена, отделявшая духоборцев от внешнего мира, дала трещину. Эти изменения очень медленно начали сказываться на именнике духоборцев.

В середине 1890-х годов у закавказских духоборцев появилось имя Владимир, и в начале нового века его получили уже несколько мальчиков. После переселения в Сальский и Мелитопольский округа, когда часть духоборцев откликнулись на призыв советской власти к сектантам осваивать новые земли и принять участие в строительстве коммун, имя вождя пролетариата становилось все более популярным, особенно в Мелитопольском округе. Популярность имени среди закавказских духоборцев начала расти перед войной и особенно после нее. Очевидно, советское воспитание сыграло свою роль в оценке Октябрьской революции и фигуры ее вождя, но многим духоборцам, испытавшим на себе антирелигиозную политику советской власти, – прежде всего это касается жителей Гореловки – имя Ленина не казалось подходящим для наречения детей и внуков. Как рассказывала духоборка Гореловки, она хотела назвать Владимиром своего сына, рожденного в апреле: «Он родился в апреле, а в апреле Ленин родился. Взяла газету, говорю: “Нынче Вовка. Нехай будет Владимир Ленин”. А *старуша* (свекровь. – С.И.): “Уф-уф-уф! Антихрист”». И назвали в честь *старичка* (свекра) – “Мишка, а не Вовка” (ПМА 2: Т.Т.Б.). Но вопреки всему имя Владимир вошло в моду, и в средней школе с. Гореловка, в классе, в котором учились дети 1956–1957 гг.р., из 20 мальчиков пять были Владимиромы. Впрочем, Василиев тоже было пять, т.е. два имени охватывали половину мужского состава класса.

Приблизительно в 1910-е годы в антропонимиконе закавказских духоборцев появилось имя Сара. Оно стало быстро набирать популярность в 1920-е годы, но также быстро вышло из моды, и после войны его уже не давали новорожденным. У духоборцев, как и у православных русских, были русифицированные, древнееврейские по своему происхождению имена, которые воспринимались ими как русские: Аврам, Аким, или Яким, Давид, Иван, Осип, или Иосиф, Исай, Юда, Лазарь, Моисей, Наум, Самойла, Яков, Илья, Михаила. Некоторые были редкими и исчезли еще в первой половине XIX в. Самого понятия “ветхозаветное имя” у духоборцев не было, поскольку Ветхий Завет богодухновенной книгой они не считали и не читали, но в их псалмах упоминались Ананий, Азарий, Мисаил, Авраам, Исаак, Иаков, Иов, Ной, Лот, Моисей, Аарон и Давид (ЖК 1909: Пс. 6. В. 103), а в заговорах упоминалась и жена патриарха Авраама Сара, и эти имена они, конечно, хорошо знали. Причина появления имени Сара в их именике остается загадкой. Чтобы взять для своего ребенка новое иноконфессиональное имя, нужна была очень серьезная мотивация. Духоборцы произносили это имя и как Сара, и как Цара.

У духоборцев были имена Вера, Надежда, но Любовь появляется только в первое десятилетие XX в. До конца 1920-х годов оно оставалось редким.

Духоборцы, переселившиеся в Сальский и Мелитопольский округа, проживали рядом с селениями православных русских и молочан, и ни о какой изоляции речи уже не было. Во второй половине 1920-х годов среди духоборцев Мелитопольского округа, кроме полутора десятков Владимиров, появились по одному Виктору, Арсению, Юрию. Новыми, еще пока редкими женскими именами в 1920-е годы среди переселенцев стали Антонина, Олимпиада, Ольга, Таисия, Галина и Раиса.

В послереволюционное время у духоборцев ни в Закавказье, ни в России, ни на Украине не появились новые революционные имена-неологизмы. Увлечение дехристианизацией именика обошло их стороной.

В 1930–1940-е годы, судя по похозяйственным книгам с. Хлебодарное и хут. Успение (Хлебодарненский сельсовет) Целинского р-на Ростовской обл. за 1946 г., появляются совершенно новые для духоборцев женские имена Валентина, Нина, Светлана, Тамара, Лидия, популярным становится имя Раиса. У закавказских духоборцев обновление антропонимикона началось позднее и тоже в его женской части. Новые мужские имена появлялись и приживались в среде духоборцев с трудом.

Приблизительно в 1950-е, а особенно в 1960-е годы девушки-духоборки, проживавшие в Закавказье, начали осовременивать устаревшие женские имена, которыми всё еще называли “на бабушку”. Агафьи (Гани) по метрикам в жизни становились Галинами,

Пелагеи – Полинами, Лукерьи – Люсями, а Маланьи – Милями и Молями. Обычно подбиралось имя, похожее по звучанию и начинавшееся на ту же букву, что и старое имя или его сокращенная форма. Были редкие случаи, когда девушки, уезжавшие на учебу в города, брали новое имя и меняли документы.

В 1980-е – начале 1990-х годов началось активное обновление мужского и женского именников: мальчиков называли Анатолий, Вадим, Виктор, Валерий, Виталий, Игорь, Максим, Олег, Роман, Юрий, Ярослав; девочек – Алена, Алла, Евгения, Лариса, Нина, Олеся, Юлия; популярными стали имена Валентина, Надежда, Оксана, Светлана.

В начале 2000-х годов духоборцы, поселившиеся в Тульской области, были вынуждены вахтовым методом ездить на работу в Москву и Тулу, и постепенно молодежь стала перебираться на жительство в города. Имена рожденных в 1990–2000-е годы детей, подавляющее большинство которых крещенные, ничем не отличаются от имен остальных русских.

Формы имен

Как известно, все христианские имена произошли от агнионимов – имен, принадлежавших святым, имевшим дни памяти. В церковной форме эти имена фиксировались только в документах о крещении, венчании, отпевании, а народ преимущественно использовал их разговорные формы (*Суперанская* 2009: 13). Духоборцы нарекали календарные имена в их официальной светской форме, характерной для XVIII–XIX вв.: Михайла, Кирила, Федор, Лукерья, Ульяна и т.д., а также в народной разговорной: Марья, Апросинья, Аким, Алистрат и т.д. В домашнем быту и от тех, и от других образовывали сокращенные формы. В именнике духоборцев были имена, которые существовали одновременно в церковно-календарном и народном вариантах: Илларион – Ларион, Иосиф – Осип, Ирина – Арина, Ксения – Аксинья, причем в какие-то временные отрезки та или другая форма могла существенно преобладать. Внутри очень узкого и стабильного женского именника у духоборцев существовала мода не только на имена из устоявшегося репертуара, но и на варианты имен.

В общении между собой духоборцы пользовались сокращенными формами: Арефий – Ареша, Александр – Лёся, Василий – Вася, Моисей – Мыся; Лукерья – Луша и Луня, Настасья – Настя и Тюня, Маланья – Малаша, Христина – Хрестя и т.д. Некоторые языковеды относят сокращенные формы имен к ласкательным или хотя бы к началу шкалы широкого диапазона “ласкательности” (*Чернышёв* 1947: 20–21; *Данилина* 1969: 158). Такие имена предполагают определенную степень близости носителя имени и обращающегося к нему, поэтому у русских эту форму обычно используют в домашнем быту, в общении с друзьями и соседями. У духоборцев использование имен в сокращенной форме выходило далеко за рамки ближнего круга и часто простиралось даже за границы их селения, поскольку у каждого были родня и друзья в других селениях. С.Е. Никитина отметила, что духоборцы называют друг друга уменьшительными именами независимо от возраста в знак “принадлежности к одному тесному социуму, большой духоборской семье” (*Никитина* 2004: 546). Уменьшительная и сокращенная формы обращения друг к другу, безусловно, создавали ощущение семейственности.

Изменения в форме имен у духоборцев происходили в зависимости от возраста, семейного и социального положения их владельцев. На улице детей называли Гашкой, Тюнькой, Манькой, Ванькой, Петькой, Захаркой, Тишкой и т.д. Гашками и Тишками молодые люди были до вступления в брак. Женатым мужчин и замужних женщин, молодых и среднего возраста, называли сокращенным именем, которое могло звучать нейтрально или быть стилистически окрашено – с оттенком ласкательности: Ганя, Настя, Маша, Ваня, Петя, Захар, Тиша. Дети называли отца сокращенным именем независимо от его возраста, в то время как мать до недавнего времени (до 1970-х годов и даже позже) большинство называли няней. Конечно, близкие подруги или друзья могли обращаться друг к другу, как в детстве.

Духоборка, сравнивая манеру обращения друг к другу в Гореловке и Дманиси, говорила: “В Гореловке Танька, Манька, Душка – это девчонок так называли и до старости. А в Дманиси – Танечка, Манечка, Лунечка. Там (в Дманиси. – С.И.) меня никто до замужества не называл Таня, а Танечка. Я от свекрови первый раз услышала – Таня” (ПМА 9: Т.М.С.).

Самые нежные, ласковые имена духоборцы давали старикам и старухам: Ганюша, Настюша, Васюня, Ванюша, Фролушка, Петруня, Захарушка. Приведем образец разговора пожилой женщины и старика: «У нас дедушка один, старенький уж. Я иду так, он далёко от мене шумить: “Здорово, Ганюша!” – “Слава Богу, Егорушка”» (ПМА 2: А.М.Г.).

В крестьянских обществах, как известно, высоко ценили стариков – хранителей накопленного многими поколениями опыта. В гонимой государством и православной церковью духоборческой секте старики были еще и хранителями религиозного учения и исторической памяти. В каждом поколении духоборцев и при царском режиме, и при советской власти были люди, пострадавшие за веру. Духоборцы очень высоко ценили “страдальцев”, и ласкательные имена – лучшее тому подтверждение.

С возрастом имя, как видим, перемещалось вверх по шкале “ласкательности”, но на самой верхней ее точке стояли имена руководителей духоборческой секты: Васюшка с Настюношкой (Василий Савельевич Калмыков и его жена), Ларюшка с Малашечкой (Ларион Васильевич Калмыков с женой), Васюшка и Петюшка Ларионовичи Калмыковы (сыновья Лариона), их тетка Онюшка и последняя законная руководительница, жена Петюшки – Лушечка (ЖК 1909: Пс. 310). Ларюшка и его сыновья, особенно Василий, умерли молодыми, так что в высшей степени гипокористические имена вождей связаны с их социальным положением, а не возрастом. Они все – “святые и праведные родители”, т.е. духовные наставники всех духоборцев. В тексте псалма (ЖК 1909: Пс. 310) и устных рассказах духоборцев о Петюшке Калмыкове и Лушечке обычно прибавлялось слово “родимый” или “родимая”, но, очевидно, оно имело двоякое значение, впрочем, как многое другое в духоборческой культуре. Оно употреблялось не только в значении “родной” для каждого духоборца человек, но также в смысле “родной Богу”, “рожденный Богом”, как Иисус Христос был “родимый” Богу сын (ЖК 1909: Пс. 233). Прибавление к имени слова “родимый”/“родимая” – это своего рода титул, несший глубокую смысловую нагрузку и в то же время эмоционально усиливавший ласкательную форму имени.

Имена уважаемых, достигших глубокой старости рядовых духоборцев, тезоименитых руководителям секты, не приобретали такой же формы, и их носители оставались просто Васями, Ларями, Петями или Петрунями, Лушами.

В обозримом прошлом и в настоящее время, обращаясь к старшим по возрасту, духоборцы к сокращенной форме имени добавляют слова “дядя”, “дядька”, “тетка”, “баба”, “дед”, “дедушка”. Равные по возрасту обращаются друг к другу только по имени, обычно в сокращенной форме.

Обращение по имени-отчеству долгое время не было принято ни между духоборцами, ни по отношению к посторонним. Духоборцы демонстративно говорили всем, кроме руководителей, “ты” и ни перед кем не снимали шапку. В переписях и списках XIX в. у глав семей указывали полукотчества, но без привычного для XVIII в. слова “сын”, например: Фома Епифанов Борцов, Матвей Григорьев Савенков. Полные трехчленные наименования появились у них в 1870–1880-е годы на надгробных памятниках, причем как руководителей секты, так и рядовых духоборцев. Наименование по имени-отчеству воспринималось как сугубо официальное и предназначенное для особых случаев, каковым и была смерть.

Со смертью “родимой” Лушечки связан документ, обнаруженный духоборческими старичками через пять дней после ее кончины – 20 декабря 1886 г. Это “Приказ от всех почетных лиц и старшин по всем селам”, в котором они просили всех духоборцев почтить память умершей горячими молитвами в течение шести недель и т.п. и называли покойную по имени-отчеству – Лукерьей Васильевной (ОР РГБ).

Опросы и документы показывают, что в 1920–1930-е годы по имени-отчеству духоборцы обращались к разного рода начальникам, учителям, партийным руководителям, т.е. эта форма наименования носила официальный и полуофициальный характер, а в повседневную жизнь самих духоборцев она начала входить только после войны. В некоторых дружеских компаниях пожилые мужчины могли называть друг друга по имени-отчеству, но наши информанты запомнили это именно потому, что такое обращение не было нормой. Сокращенные и ласкательные формы имен продолжали широко использоваться среди духоборцев Богдановского р-на Грузии еще в 1990-е – начале 2000-х годов, вплоть до выезда в Россию.

В настоящее время в местах компактного поселения духоборцев имена продолжают функционировать в сокращенной форме, но совсем исчезла их ласкательная *стариковская* форма: нет среди них прежних Фролушек и Захарушек. Как-то так совпало, что с переселением в Россию ушло и то поколение духоборческих *старичков*, а когда-то единое духоборческое сообщество стало значительно жестче, люди эгоистичнее, ласковые имена вышли из употребления и перестали удивлять захвативших в село посторонних людей. Однако, рассказывая о своих вождях, духоборцы старшего поколения, скорее по привычке, по-прежнему называют их “родимыми” Петюшкой и Лушечкой.

* * *

Несмотря на ограниченность источниковой базы, статистический материал, извлеченный из таких массовых источников, как переселенческие и посемейные списки, позволяет показать формирование антропонимикона духоборцев и динамику имен на определенных этапах их локальной и общероссийской истории.

Духоборцы получали христианские имена, не отличавшиеся от русских православных. Процесс затухания и постепенного отмирания старых имен шел у них в том же направлении, что и у православного населения. Религиозные догматы духоборческой секты сказались прежде всего на принципах имянаречения: компактно проживая сначала в Таврической губернии, а затем в Закавказье в изоляции от православных русских, сакральную функцию молитвенного произнесения имени новорожденного духоборцы передали повитухе.

Неприятие церкви, крещения, почитания святых привело к тому, что духоборцы не пользовались святцами при выборе имен, а поскольку общность оказалась вне общерусского культурного пространства, то, не имея источников для пополнения именника, духоборцы в каждом поколении воспроизводили имена предков и родственников из “семейных именников”. Таким образом, семейная память, запечатленная в именах, становилась частью коллективной памяти и спланивала секту. Вместе с тем результатом этого процесса стали сокращение именника, очень высокая концентрация имен и рост одноименности. Материалы демонстрируют высокую стабильность структуры именника.

Едиличное появление новых имен наметилось только в конце XIX – начале XX в., когда началось постепенное преодоление изоляции духоборческой секты; значительное обновление именника происходило также перед войной и после нее. Массовый характер оно приняло только в 1980–1990-е годы.

Социальная особенность сообщества духоборцев проявилась в широком бытовании сокращенных и ласкательных форм имен, грация которых зависела от возраста, семейного и социального положения человека. Сокращенные и гипокористические формы создавали ощущение семейственности, близости друг другу и спланивали общность.

Примечания

¹ Чтобы остановить распространение секты, правительство с начала XIX в. пыталось изолировать духоборцев от православных, поселив их в Мелитопольском уезде Таврической губернии (указы Александра I 1802 и 1804 гг.) среди менонитских колоний и кочевников-ногайцев.

В 1841–1845 гг. за отказ принять православие духоборцы были выселены в Закавказье в районы проживания армян и татар: на тот момент в Грузино-Имеретинскую губернию, а после нескольких административно-территориальных преобразований – это Ахалкалакский и Борчалинский уезды Тифлисской губернии и Елизаветпольский уезд Елизаветпольской губернии. В советское время после очередных преобразований духоборцы проживали на территории Грузинской ССР в Богдановском (ныне Ниноцминдский р-н) и Дманисском р-нах, а также в Кедабекском р-не Азербайджанской ССР.

² Информант была уверена, что Ганя и Галя – это одно и то же имя. А.В. Суперанская отмечает, что имя Галя может выступать как производное от Ганны, Гани, Анны (*Суперанская* 2009: 84). У духоборцев нам не известны случаи, когда бы имя Галя было производным от Гани – Агафы. Скорее всего, это случай паронимической аттракции, как и имена Луша – Люся.

³ Для подсчета имен, данных по деду со стороны отца, в семейных списках были выделены все духоборцы мужского пола, отцы которых указаны по имени-отчеству. Для подсчета имен, нареченных по дедам со стороны матери, выделены духоборцы мужского пола, матери которых указаны по имени-отчеству.

⁴ Подсчитать наречение имен по бабушкам невозможно, т.к. в списках переселенцев в Сальский и Мелитопольский округа редко указывались бабушки по отцам и отсутствовали бабушки по матерям.

⁵ Лиза – героиня произведения Н.М. Карамзина “Бедная Лиза”, трагически закончившая свою жизнь, и у молодой женщины это имя ассоциировалось с несчастливой судьбой, которая могла передаться ребенку.

⁶ Расчет делался по схеме, предложенной В.Д. Бондалетовым: определялся средний коэффициент одноименности (СКО) путем деления числа носителей имен на количество употребленных ими имен, и имена с числом носителей, равным СКО и выше, были отнесены к частым именам (см.: *Бондалетов* 1983: 115).

Источники и материалы

АКР – Архив Кедабекского района. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2.

ГАОО 1 – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 151. Д. 77.

ГАОО 2 – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 152. Д. 16.

ГАОО 3 – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 153. Д. 9.

ГАОО 4 – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 154. Д. 23.

ГАОО 5 – Государственный архив Одесской области. Ф. 1. Оп. 166. Д. 32.

ГМИР 1 – Государственный музей истории религии. Ф. 13. Оп. 1. Д. 239.

ГМИР 2 – Государственный музей истории религии. Ф. 13. Оп. 1. Д. 240.

ЖК 1909 – Животная книга духоборцев / Сост. В.Д. Бонч-Бруевич. М., 1909.

МАЧР – Муниципальный архив Чернского района. Похозяйственные книги с. Архангельское, пос. Южный.

Некоторые черты 1896 – Некоторые черты об обществе духоборцев // Русская старина. СПб., 1896. Август. С. 257–270.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 369. К. 42. Д. 2. Л. 3.

ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл., 2000 г. (информант: П.Ф.Б., 1947 г.р., из с. Гореловка Богдановского р-на, Грузия).

ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл., 2003 г. (информанты: П.Ф.Б., 1947 г.р.; Т.Т.Б., 1947 г.р.; А.М.Г., 1911 г.р., из с. Гореловка Богдановского р-на, Грузия).

ПМА 3 – Полевые материалы экспедиции автора в пос. Мирный Клетнянского р-на Брянской обл., 2009 г. (информанты: М.И.К., 1936 г.р.; Н.С.З., 1929 г.р., из с. Гореловка Богдановского р-на, Грузия).

ПМА 4 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Славянка Кедабекского р-на, Азербайджан, 2010 г. (информанты: А.Н.А., 1935 г.р.; Г.Т.С., 1948 г.р.).

ПМА 5 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Хлеборобное Целинского р-на Ростовской обл., 2010 г. (информант: П.П.С., 1931 г.р., из с. Ново-Спасское Кедабекского р-на, Азербайджан).

- ПМА 6 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл., 2013 г. (информанты: Т.И.С., 1946 г.р., из с. Калинино Богдановского р-на, Грузия; П.Ф.Б., 1947 г.р., из с. Гореловка Богдановского р-на, Грузия).
- ПМА 7 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Малый Снежеток мкр Новый Первомайского р-на Тамбовской обл., 2014 г. (информанты: Т.С.Ч., 1964 г.р., из с. Спасское Богдановского р-на, Грузия; Л.В.А., 1935 г.р.; П.В.Г., 1935 г.р., из с. Гореловка Богдановского р-на, Грузия).
- ПМА 8 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Гореловка Ниноцминдского р-на, Грузия, 2014 г. (информант: Т.М.О., 1954 г.р.).
- ПМА 9 – Полевые материалы автора. Санкт-Петербург, 2019 г. (информанты: А.В.М., 1933 г.р., из г. Богдановка Богдановского р-на, Грузия; Т.М.С., 1937 г.р., из г. Дманиси, Грузия).
- ЦГИА Азербайджана – Центральный государственный исторический архив Азербайджана. Ф. 10. Оп. 1. Д. 82.
- ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 254. Оп. 2. Д. 233, 234, 346.
- Kalmakoff J., Lapshinoff S.* 2001 – *Kalmakoff J., Lapshinoff S.* Doukhobor Ship Passenger Lists 1898–1928. Crescent Valley, В.С.: Steve Lapshinoff, 2001.

Научная литература

- Бакланова Е.Н.* Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 308–314.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
- Данилина Ф.* Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых “сокращенных” формах имен в русском языке // Ономастика / Ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. С. 149–161.
- Никитина С.Е.* Об имени собственном в русских конфессиональных группах // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского / Отв. ред. В.А. Виноградов. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 544–551.
- Никонов В.А.* Задачи и методы антропониимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М.: Наука, 1970. С. 33–56.
- Никонов В.А.* Имя и Общество. М.: Наука, 1974.
- Суперанская А.В.* Словарь народных форм русских имен. М.: Книжный дом “Либроком”, 2009.
- Тарсуков В.В.* Антропониимия купечества г. Самара в первой трети XIX столетия по ревизским сказкам за 1834 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 301–307.
- Чернышёв В.И.* Русские уменьшительно-ласкательные личные имена // Русский язык в школе. 1947. № 4. С. 20–27.
- Щетинин Л.М.* Имена и названия. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1968.
- Щетинин Л.М.* Русские имена (очерки по донской антропониимии). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1978.

Research Article

Inikova, S.A. Personal Names among the Dukhobors [Lichnye imena u dukhobortsev]. *Этнографическое обозрение*, 2020, no. 4, pp. 84–101. <https://doi.org/10.31857/S086954150010835-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Svetlana Inikova | <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817> | ovis2@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

religious teaching, Doukhobors sect, naming, personal name, name forms, dynamics, repertoire

Abstract

The article discusses the social, historical, and religious aspects of naming and namebook formation in the Doukhobor sect. Although the Dukhobor namebook was developing in line with the general trends in Russia, it had its own peculiarities related to the religious teaching and the long isolation of the Doukhobors from the Orthodox Russians. Having refused to use names given by priests, the Doukhobors transferred the function of naming to the midwife; instead of utilizing the Church calendar, they began using mainly the names of their ancestors and relatives. I examine the consequences of these practices, such as the narrowing of the repertoire of personal names and their higher concentration, and show the dynamics of names during the nineteenth–twentieth centuries and the structural features of the Doukhobor namebook. Attention is also drawn to the specificities of name forms characteristic of Doukhobors, which consist in the widespread use of abbreviated and affectionate names determined by the age or family and social status of each member of the community.

References

- Baklanova, E.N. 1970. Lichnye imena vologodskikh krest'ian po perepisi 1717 g. [Personal Names of Vologda Peasants According to the Census of 1717]. In *Lichnye imena v proshlom, nastoiashchem, budushchem* [Personal Names in the Past, Present and Future], edited by V.A. Nikonov, 308–314. Moscow: Nauka.
- Bondaletov, V.D. 1983. *Russkaia onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow: Prosveshhenie.
- Danilina, F. 1969. Kategoriia laskatel'nosti v lichnykh imenakh i vopros o tak nazyvamykh "sokrashchennykh" formakh imen v russkom yazyke [Category of Endearment in Personal Names and the Question of So-Called "Short" Forms of Names in Russian]. In *Onomastika* [Onomatology], edited by V.A. Nikonov and A.V. Superanskaya, 149–161. Moscow: Nauka.
- Nikitina, S.E. 2004. Ob imeni sobstvennom v russkikh konfessional'nykh gruppakh [About Proper Names in Russian Confessional Groups]. In *Semiotika. Lingvistika. Poetika. K stoletiiu so dnia rozhdeniia A.A. Reformatskogo* [Semiotics. Linguistics. Poetics. To the Centenary of the Birth of A.A. Reformatsky], edited by V.A. Vinogradov, 544–551. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Nikonov, V.A. 1970. Zadachi i metody antroponomimiki [Tasks and Methods of Anthroponymy]. In *Lichnye imena v proshlom, nastoiashchem, budushchem* [Personal Names in the Past, Present and Future], edited by V.A. Nikonov, 33–56. Moscow: Nauka.
- Nikonov, V.A. 1974. *Imia i Obshchestvo* [The Name and Society]. Moscow: Nauka.
- Superanskaya, A.V. 2009. *Slovar' narodnykh form russkikh imen* [A Dictionary of Popular Forms of Russian Names]. Moscow: Knizhnyj dom "Librokom".
- Tarsukov, V.V. 1970. Antroponomimiiia kupechestva g. Samara v pervoi treti XIX stoletiiia po revizskim skazkam za 1834 g. [Anthroponymy of the Merchants of Samara in the First Third of the XIX Century According to Russian Census for 1834]. In *Lichnye imena v proshlom, nastoiashchem, budushchem* [Personal Names in the Past, Present and Future], edited by V.A. Nikonov, 301–307. Moscow: Nauka.
- Chernyshov, V.I. 1947. Russkie umen'shitel'no-laskatel'nye lichnye imena [Russian Reduced-Affectionated Personal Names]. *Russkii yazyk v shkole* 4: 20–27.
- Shhetinin, L.M. 1968. *Imena i nazvaniia* [Names and Titles]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.
- Shhetinin, L.M. 1978. *Russkie imena (ocherki po donskoi antroponomimii)* [Russian Names (Essays on the Don Anthroponymy)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.